

УДК 81-112.2

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ НАЦИИ

Т.М. Николаева

Аннотация

В статье рассматривается языковая ситуация одного из самых трудных периодов развития литературного языка второй половины XVII – начала XVIII века. Основное внимание обращено на дискуссионный вопрос о том, было ли третье южнославянское влияние. Автор утверждает, что в указанную эпоху начался распад церковно-книжного стиля, и приводит убедительные доказательства.

Процесс образования русского литературного языка длительный и сложный. Его началом является вторая половина XVII столетия, а завершением можно считать эпоху Пушкина. Это время характеризуется такими тенденциями, как формирование и закрепление общелитературной нормы на народной основе, затухание диалектов, сближение письменной и разговорной разновидностей, возрастающая роль художественной литературы, прогрессирующая демократизация, рост заимствований, главным образом, из западноевропейских языков и латыни, которые осуществлялись через посредство польского.

В системе русского литературного языка в начальный период церковно-книжный стиль переживает сложную ситуацию. Его относительной устойчивости способствовали традиции предшествующей эпохи: расцвет схоластической учености, философии, развивающееся книгопечатание, тесно и почти исключительно связанное с печатанием религиозной литературы, появление «словенских» грамматик, в которых были предприняты попытки нормализации церковнославянского языка. Во второй половине XVII столетия весьма значимой была активная деятельность выходцев из юго-западной Руси (Епифаний Славинецкий, Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин и др.) – воспитанников Киево-Могилянской академии, которые сыграли большую роль в развитии различных сторон общественной жизни, особенно в области просвещения, культуры, науки, письменности, что способствовало приобщению России к западноевропейской цивилизации. Немаловажной была ориентация церковной иерархии на греческую культуру и связанное с ней стремление провести «книжную справу» – правку церковных книг по современным греческим образцам. «Ученый» церковнославянский в практике московских книжников «эллино-славянского» направления пытался распространить сферу своего влияния на все литературные жанры. Так или иначе, но книжный стиль продолжает функционировать, однако по сравнению с Московским, донатональ-

ным периодом религиозная литература уже во второй половине XVII столетия начинает терять свое первостепенное общественное значение, уступая место литературе светского характера и ограничиваясь сугубо богослужебной сферой. Кризисная ситуация системы церковнославянского стиля XVII века определялась целым рядом обстоятельств: с одной стороны, культивирование высшим духовенством «высокой» риторики, продолжающей традиции византийского «витийства» сталкивалось со стилями церковно-книжной речи, шедшими с Украины, с другой – европейские течения из Польши, усложнившие процесс взаимодействия церковно-литературных и светско-деловых стилей, в третьих, интеграция демократической литературы. Все это способствовало тому, что уже к середине XVIII века церковно-книжный стиль перестал играть ведущую роль в русской письменности. Тем самым сфера церковнославянского становится локально ограниченной и перестает сколь-нибудь серьезно влиять на дальнейшее развитие русского литературного языка. Вне литературы религиозного характера книжный стиль в какой-то степени был связан с литературой «русского барокко» – торжественной эпистолярной и ораторской прозой, виршами и театральными сочинениями. В этой литературе он «становится предметом заботливой опеки со стороны некоторых писателей: его настойчиво пытаются отградить от всего того, что так или иначе могло бы уронить его достоинство, и прежде всего от вторжения просторечия» [1, с. 20]. Для литературы «барокко» характерны все основные черты, свойственные книжному стилю Московского государства: сложность синтаксиса – «плетение словес», использование типично книжных союзов «аще», «дондеже», «егда», «понеже», обилие возвышенных метафор типа «гвоздь целомудрия», цитация из священного писания, употребление таких сложных слов, как «гордовысоковыиствовати», «всевидомиротворокружная», использование многочисленных стилистических славянизмов – «глас», «един», «ночь» и лексических архаизмов – «гонзати» (избегать), «чуждаться» (удивляться), а также устаревших грамматических форм (аориста, имперфекта, палатализации в системе склонения и древних флективных показателей).

Неоднозначная ситуация, связанная с функционированием церковно-книжного стиля в литературном языке начального периода формирования русской нации, вызвала многочисленные публикации, появившиеся в последние десятилетия прошлого столетия в России и за рубежом, в которых авторы утверждают существование и значимость «одного из важнейших пределов в истории русского литературного языка», изменившего «все аспекты его функционирования» [2, с. 49] – «третьего южнославянского влияния» [3–7]. Тезисно их позиции можно изложить следующим образом: «Третье южнославянское влияние» – термин условный, поскольку само название «южнославянское» имеет в виду южных славян не в этническом, а в географическом смысле. Тем самым, если в первых двух случаях так называемых «южнославянских влияний» речь шла о роли балканских славян, то в данном случае речь идет о деятельности представителей юго-западной Руси, призывающих держать ориентацию на современную греческую культуру, главным образом – церковные книги. Оно проявилось прежде всего в книжных реформах патриарха Никона в середине XVII века. Как и «второе южнославянское влияние», оно связано с книжной

справой. В результате этих реформ Никона на территории Московской Руси мог кодифицироваться юго-западный вариант церковнославянского языка, поэтому «третье южнославянское влияние» может рассматриваться как регенерация на великорусской территории «второго южнославянского влияния» через соседнюю традицию.

«Третье южнославянское влияние» связано с широкой иммиграцией в Москву юго-западнороссов, носителей книжной культуры, которая была непосредственно связана с присоединением Украины в 1654 году. Выходцы из юго-западной Руси занимались книжной справой, что вызвало раскол общества, разделившегося на старообрядцев и новообрядцев.

«Третье южнославянское влияние», обусловленное стремлением к восстановлению единого церковнославянского языка, способствовало тому, что церковнославянский в великорусских условиях продолжал функционировать как основной язык с новыми, ранее не свойственными ему функциями (на нем начали разговаривать, писать письма, делать разнообразные записи бытового содержания), что способствовало разрушению диглоссии. Противопоставленный ему (а также разговорному) литературный «простой язык» – эквивалент «простой мовы» – заставлял говорить о ситуации двуязычия, признаками которого была возможность «перевода» сакральных текстов, а также появление пародий на церковнославянском. Двуязычие впоследствии оказалось нестабильной языковой ситуацией (в силу конкуренции, а не распределения функций), русский язык постепенно вытеснял церковнославянский на периферию языкового сознания, узурпируя права и функции литературного языка и оставляя за церковнославянским лишь функции языка литургического. Завершен период двуязычия был в эпоху А.С. Пушкина, который создал русский литературный язык нового типа, в той или иной степени (? – Т.Н.) ориентированный на разговорную речь.

Представленные тезисы, в которых много домыслов, противоречивых утверждений, не отвечающих истинному положению вещей, ничем не подтвержденных, априорных посылок, создали необходимость обратиться к более тщательному рассмотрению вопроса о «третьем южнославянском влиянии».

Сразу же скажем, что мы намеренно оставляем за рамками наших рассуждений комментирование опусов, касающихся диглоссии-двуязычия, составляющих предмет особого, специального разговора, тем более, что критика диглоссии основательно изложена в статьях А.А. Алексеева, Л.П. Клименко, В.В. Колесова [8–10] и А.И. Горшкова [11], в которых на конкретном фактическом материале убедительно доказывается ее несостоятельность.

Однако вернемся к поставленному нами вопросу: было ли «третье южнославянское влияние»? Для ответа необходимо выяснить, было ли «второе южнославянское влияние», и если оно действительно было, то почему в научных монографиях, учебниках и пособиях оно последовательно квалифицируется как «так называемое»?

Как известно, с конца XIV столетия с централизацией русского государства начинается формирование языка великорусской народности на базе среднерусского говора с севернорусским консонантизмом и южнорусским вокализмом. Одновременно происходит всплеск архаических элементов – своеобразная

«церковнославянизация» русского литературного языка, которая получила название «второе южнославянское влияние». Этот термин выдвинул в 1894 году А.И. Соболевский в своих знаменитых лекциях в Петербургском археологическом институте [12]. Тем не менее, по поводу «южнославянского влияния» среди ученых не было и нет единого мнения. Не ставя задачу анализировать все имеющиеся точки зрения по данному вопросу (они достаточно полно освещены в работе Х. Бирнбаума [13, с. 84]) заметим: для нас очевидно, что «второе южнославянское влияние» имеет помету-квалификацию «так называемое» в связи со следующими обстоятельствами.

1) Отмечая несостоятельность причин, которыми некоторые ученые, например А. Бартошевич [14, с. 79], Е.Г. Ковалевская [15, с. 104], мотивируют данное явление, в частности, притоком на территорию русского государства болгарских и сербских духовных деятелей (митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет и др.), где они нашли почву для распространения книг «священного писания», должны заметить, что иммиграция церковников – недостаточно серьезное обоснование славянизации русского языка. Вместе с тем мы утверждаем, что именно и только внутрисоциальные факторы обусловили этот процесс: а) стремление царя централизованного Московского государства укрепить свою власть как единого самодержца, а церкви – упрочить свои позиции, в том числе – в борьбе с различного рода «ересями»; б) идея «третьего Рима»: Москва должна стать центром мировой цивилизации, чтобы распространять свое влияние на другие страны мира. Эта идея, реализацию которой связывают обычно с византийскими и балканскими славянами, не могла осуществиться с их участием хотя бы потому, что в это время они были поработаны турецкими захватчиками; в) церковнославянский, будучи языком церкви, а значит, авторитетным, стабильным, не подвергшимся никаким диалектным воздействиям, должен был служить средством пропаганды искусства, литературы, науки, культуры.

2) Высказывания о якобы имеющем место «втором южнославянском влиянии» требуют лингвистических свидетельств. Если обратиться к тому же А.И. Соболевскому [12, с. 17], то у него мы находим следующие аргументы: а) изменения во внешнем оформлении рукописей – уставное письмо в XV веке было заменено южнославянским полууставом, тетралогический орнамент был вытеснен южнославянским геометрическим и т. д. Но к самой структуре языка подобные факты не имеют никакого отношения; б) изменение орфографии: использование А вместо йотованного А, введение написания Ъ только после плавных, ЖД вместо Ж, ШТ вместо Ч, юсов и др. – все это также не затрагивало системы языка. Кроме того, к этой так называемой реформе, как указывала Л.П. Жуковская, необходимо отнестись настороженно: исследовав текст «Жития Анисьи» в древнерусском Лобковском Прологе 1282 г., она нашла орфографические явления, характерные для тырновской школы патриарха Евфимия, поэтому вопрос об орфографическом воздействии «второго южнославянского влияния» нуждается, как считает автор, в уточнении [16, с. 79].

3) Общие рассуждения А.И. Соболевского, Д.С. Лихачева, И. Талева о заимствовании у южных славян «плетения словес», новообразования абстрактных имен, калек с греческого, как утверждает Ф.П. Филин, «еще не являются

доказательствами, поскольку указанные особенности богато представлены в русской оригинальной литературе (ср., например, «Житие Стефана Пермского» Епифания Премудрого) и могли развиваться в ней... отчасти самостоятельно в соответствии со складывающейся идеологией русских церковных кругов» [17, с. 288]. Таким образом, фактического материала лингвистического толка мы не имеем.

4) Примечателен вывод Ф.П. Филина, изучавшего лексический состав разновременных списков «Повести временных лет» о том, что «летописцы XIV – XVI веков не ввели ни одного южнославянского слова, которое вовсе не было бы известно древнерусской письменности XI – XIII столетий... С конца XIV века в русском литературном языке всех его разновидностей имелось не вторичное сербско-болгарское влияние, а активизация средств церковнославянского языка раннего периода, нарочитая языковая архаизация, обусловленная прежде всего и главным образом внутренними историческими причинами» [17, с. 290].

5) Наконец, сам термин «второе южнославянское влияние» требует своей корректировки. Прежде всего, он предполагает, что было «первое южнославянское влияние», хотя подобная номинация в научной лингвистической литературе не принята и нигде не используется. Вместе с тем, вряд ли кто из исследователей будет отрицать воздействие в связи с принятием христианства южнославянских протографов – церковных книг, а вместе с ними старославянской лексики на русский литературный язык, сказавшееся в пополнении словарного состава, в создании богатой лексической синонимии, в расширении словообразовательных возможностей, в создании богатой научной, в том числе философской терминологии, в формировании литературной нормы, в обогащении стилистических приемов и средств и т. д. Однако это воздействие не вошло в историю под названием «первое южнославянское влияние», следовательно, с точки зрения терминологической мы не можем говорить и о «втором».

Вернемся к так называемому «третьему южнославянскому влиянию». Отрицая «второе южнославянское влияние», учитывая, что теоретические обоснования авторов концепции «третьего влияния» полностью базируются на существовании «второго», должны заметить, что было бы нелогичным говорить о «третьем» как объективной реальности. Идя на поводу у сторонников не принятой в языковой практике терминологии и условно обозначив три важнейших этапа в жизни русского литературного языка, можно уверенно сказать, что если «первое» влияние, связанное с распространением старославянского, ставшего на Руси церковнославянским, знаменовало новую эру в развитии стилистически обогащенного русского литературного языка, то «второе» и «третье» являлись собой «частности русской языковой истории, поэтому лучше не употреблять в данном случае указанные порядковые числительные» [17, с. 291].

Оценивая процессы, которые, якобы, имели мощное воздействие со стороны Украины и Белоруссии, следовало ожидать, что они должны были неизбежно сказаться на языке той литературы, которая выходила из-под пера русских писцов, переписчиков и авторов. Какими данными мы располагаем?

О.Г. Порохова в результате изучения Сибирских летописей XVII века пришла к выводу «о господстве исконной основы русского литературного языка» [18, с. 26].

Е.Н. Борисова, исследуя лексический состав смоленских приходно-расходных монастырских книг XVI – XVIII веков, обнаружила в текстах «лишь ограниченные церковнославянские вкрапления» [19, с. 94].

В Соборном Уложении 1649 года, источником которого были церковные постановления вселенских и поместных соборов, византийское светское право, указы прежних великих князей и государей российских, юридические документы, Д. Ворт фиксирует следующее: «Язык его в своей основе был русский с некоторыми характерными чертами московского койнэ» [20, с. 75].

Во второй половине XVII века «резко обозначился внутренний распад системы церковнославянского языка» [21, с. 7], чему в немалой степени способствовала деятельность авторов демократической сатиры («Праздник кабацких ярыжек», или «Гимн кабаку», «Калязинская челобитная», «Сказание о Куре и Лисице»), в которой церковнославянские архаизмы составляли языковую основу и служили для обличения различных пороков общества. Борясь за демократизацию литературного языка, авторы переводят церковнославянизмы в качественно иную стилистическую категорию, благодаря чему с них снимается покров книжности, они выходят за рамки традиционного маркирования «высокого» и становятся средством создания пародии, сатиры, что в конечном счете приводит к их «дехристианизации» и девальвации церковно-книжного стиля [22, с. 88]. Эта своеобразная реформа, расширившая диапазон употребления архаичных форм и слов, разрушившая единство их семантики и использования, привела к такой языковой ситуации, которую через два столетия К.С. Аксаков охарактеризует следующим образом: «Церковнославянский становится орудием произвольных вымыслов, ... поразительно звучат в нем, резко противопоставляясь с его характером и формами, тривиальные родные и иностранные слова и выражения, на которых лежит печать современности. Этот беспорядок, это странное, будто разрушающееся состояние указывает на их новую жизнь» [23, с. 275].

Особую роль в разрушении жанра житийной литературы, а также нейтрализации церковнославянизмов сыграл протопоп Аввакум, пик деятельности которого приходится как раз на время правки Никоном церковных книг по современным греческим образцам. Стилистическое новаторство Аввакума определяется прежде всего его «вяканьем», которым он обозначает разговорно-фамильярную речевую форму повествования, противопоставленную «виршам философским» и нарушившую языковые традиции житий, а также введением в текст церковнославянизмов в качестве структурных составляющих общественно-бытовой речи. С другой стороны, просторечные выражения и формы включаются им в церковную атмосферу, соприкасаясь с церковнославянизмами, они лишают их стилистической маркированности, нивелируют, «обмирщают», нейтрализуют, придают им конкретно-бытовой облик. Вместе с тем в «Житии» представлены все атрибуты публицистики: здесь и критика окружающей действительности, и рассуждения на злободневные темы, и полемическая направленность речей, и социальная позиция автора, определяющая

пафос обличения никониан, и повышенный интерес как к исторической, так и современной ему житейской обстановке, и воспитательные опусы на темы религии, патриотизма с привлечением Священного писания, «на событийную ось которого он проецирует реальные факты своей жизни» [24, с. 407], и апелляция к слушателю (читателю), риторические восклицания, «кусательные» вопросы, характерные для публицистических текстов предшествующего столетия – «Посланий и писем Ивана Грозного». В «Житии» представлены также такие яркие черты публицистического жанра, как информация, пропаганда и агитация, которые автор проводит с привлечением библейских текстов – «религиозной оболочки социального протеста» [25, с. 36]. Все сказанное дает основание рассматривать «Житие протопопы Аввакума» в одном ряду с его публицистическими произведениями («Совет отцем преподобным», «Послание к верным», «Что есть тайна христианская», «О трех проповедниках слово плачевное» и др.) и убедительно свидетельствует о разрушении церковно-книжного стиля, представленного в данном случае жанром житийной литературы.

Ситуация, связанная с судьбой церковно-книжного стиля, усугубилась реформой графики, проведенной Петром I, результатом чего явилось выдвижение на передовые позиции светской литературы, оформляемой новым гражданским шрифтом. Старая кириллица осталась с литургией, отодвинутой на второй план.

К вышеперечисленным фактам можно присовокупить и весьма частые случаи порчи церковных книг, и начавшийся процесс «стилистической неупорядоченности» – смешение в одном тексте тех основных речевых элементов, из которых исторически сложился к этому времени русский литературный язык (церковнославянизмы и различного рода архаизмы, разговорная лексика, просторечие, элементы фольклора, галантная лексика, заимствования, термины, диалектизмы и др. использовались анархично, без стилистической направленности, маркированности).

Таким образом, приведенные фактические данные ставят под сомнение объективность теоретических установок сторонников концепции «третьего южнославянского влияния», стремящихся убедить в его несомненном воздействии на русский литературный язык и тем самым – в повышении авторитета и значимости церковно-книжного стиля. Представленные ими аргументы не подтверждаются фактическими данными, прежде всего, материалом памятников различных жанров, а главное, не отвечают на вопрос, как «третье южнославянское влияние» способствовало дальнейшему формированию и становлению литературного языка.

Очевидно, что в эпоху начала формирования языка русской нации, когда твердые и обязательные нормы общенародного, национального русского языка еще не выработались, более уместно и логично говорить не об активизации функционирования церковно-книжного стиля и рассматривать его как основу языковой культуры с перспективой дальнейшего расширения функций, а о кризисной ситуации, предопределившей его окончательный распад.

Summary

T.M. Nikolaeva. Language situation in an initial stage of Russian nation formation.

In this article the language situation of one of the most difficult periods of literary language development in the second half of XVII and the beginning of XVIII centuries is considered. The basic attention is paid to a debatable question, whether there was the third South-Slavic influence. The author convincingly approves, that during this epoch the disintegration of the Church-book style had begun.

Литература

1. *Еремин И.П.* Русская литература и ее язык на рубеже XVII – XVIII веков // Начальный этап формирования русского национального языка. – Л.: Наука, 1961.
2. *Бранднер А.* Третье южнославянское влияние в Московской Руси и становление новорусского литературного языка // *Diss. Slav. Ling.* XXIV. – Szeged, 1996.
3. *Plähn J.* Der Gebrauch des modernen russischen Kirchenslavisch in der russischen Kirche. Mit zahlreichen Notenbeispielen und kirchenslavischen Texten. – Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1978.
4. *Hüttl-Folter G.* Проблематика языкового наследия XVII в. в русском литературном языке нового времени (XVIII в) // *Wiener Slavistisches Jahrbuch.* – 1982. – No 28.
5. *Успенский Б.А.* История русского литературного языка (XI – XVII вв.). – Budapest: Takönyvkiadó, 1988.
6. *Mrázek-Popova G.V.* Historický vývoj ruštiny (skriptum). – Praha: Statní pedagogické nakladatelství, 1988.
7. *Живов В.М.* Языковая ситуация Петровской эпохи и возникновение русского литературного языка нового типа // *Wiener Slawistischer Almanach.* – 1990. – No 25/26.
8. *Алексеев А.А.* Почему в Древней Руси не было диглоссии // *Литературный язык Древней Руси: Проблемы исторического языкознания.* – Л.: ЛГУ, 1986. – Вып. 3. – С. 3–11.
9. *Клименко Л.П.* История русского литературного языка с точки зрения диглоссии // *Литературный язык Древней Руси: Проблемы исторического языкознания.* – Л.: ЛГУ, 1986. – Вып. 3. – С. 11–22.
10. *Колесов В.В.* Критические замечания о «древнерусской диглоссии» // *Литературный язык Древней Руси: Проблемы исторического языкознания.* – Л.: ЛГУ, 1986. – Вып. 3. – С. 22–41.
11. *Горшков А.И.* Древнерусский литературный язык в его отношении к старославянскому. – М.: Наука, 1987.
12. *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XIV – XVII вв. – СПб., 1903.
13. *Бирнбаум Х.* О значении «второго южнославянского влияния» на эволюцию русского литературного языка // *Славянская лингвистика и поэтика.* – Петер-Ридер-пресс, 1974–1975. – Т. 21.
14. *Бартошевич А.* История русского литературного языка. – Warschawa: Panstowe Wydawatelstwo Naukowe, 1973. – Ч. 1 (донациональный период).
15. *Ковалевская Е.Г.* История русского литературного языка. – М.: Просвещение, 1978.
16. *Жуковская Л.П.* К вопросу о южнославянском влиянии на русскую письменность // *История русского языка. Исследования и тексты.* – М., 1983.
17. *Филин Ф.П.* Истоки и судьбы русского литературного языка. – М.: Наука, 1981.
18. *Порохова О.Г.* Лексика сибирских летописей XVII века. – Л., 1969.

19. *Борисова Е.Н.* О соотношении русской и церковнославянской лексики в смоленской деловой письменности второй половины XVI – XVIII вв. // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. – М., 1975. – Вып. 1.
20. *Ворт Д.* О языке русского права // Вопросы языкознания. – 1975. – № 2.
21. *Виноградов В.В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII – XIX вв. – М.: Учпедгиз, 1934.
22. *Николаева Т.М.* Очерки по исторической стилистике и словообразованию. – Казань: Казан. гос. ун-т, 2000.
23. *Аксаков К.С.* Языкознание в истории русской литературы и русского языка: собр. соч. – М., 1875. – Т. 2.
24. *Семаков В.В.* О стилистическом маркировании аориста и имперфекта в языке «Жития протопопа Аввакума» // ТОДРЛ. – М.: АН СССР, 1970. – Т. XXXIX.
25. *Гусев В.Е.* Протопоп Аввакум Петров – выдающийся русский писатель XVII века // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное и другие его сочинения. – М.: Наука, 1960.

Поступила в редакцию
07.02.06

Николаева Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории русского языка и языкознания общения Казанского государственного университета.